

Алексей Кобленц
Полное лукошко звезд

эссе

— Lusioleil —

Алексей Альбертович Кобленц

Полное лукошко звезд. Эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726775

ISBN 9785449071897

Аннотация

Я набираю полное лукошко звезд. До самого рассвета я люблюсь ими, поминутно трогая руками, упиваясь их теплом и красотой комнаты, полностью освещаемой моим сиюминутным урожаем. На рассвете они исчезают. Так я засыпаю, не успев ни с кем поделиться тем, что для меня дороже и милее всего на свете.

Содержание

1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
9	15
10	16
11	17
12	18
13	19
14	20
15	22
16	23
17	24
18	26
19	27
20	28
21	29
22	30
23	31

24	32
25	33
26	34
27	35
28	36
29	37
30	38
31	39
32	40
33	42
34	44
35	45
36	46
37	47
38	48
39	49
40	50
41	51
42	52
43	53
44	54
45	55
46	56
47	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Полное лукошко звезд

Эссе

**Алексей Альбертович
Кобленц**

Иллюстратор Lusi Soleil

© Алексей Альбертович Кобленц, 2018

© Lusi Soleil, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7189-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Я слою всех звезд в одно лукошко...
А одно из них... себе возьму...
С ней уйду я лунною дорожкой
На ЛЮБВИ пристанище – Луну...*

*С ней пройду я по дорогам звездным,
Соберу букетики из звезд...
Эх, влюбляться никогда не поздно...
Тот, кто не любил, тот не поймет.....*

Чародейка

1

Прозрачным и пространным эхом звучала фраза: заботясь о счастье других, мы находим свое собственное. И тут же эхом на эхо еще: на гибких ветвях человеческих жизней... Мысли ее путались, как ноги смертельной усталости и все равно нельзя было сбросить это будоражащее бремя ее собственных мыслей. А рядом не думали, предавали и продавали, пытались любить или неосознанно убивали... Кипела жизнь! Засвистел чайник, она повернула ручку плиты, с сожалением вернувшись восвояси.

2

Покидаю страну водяных. Ихний старшой, ласковый и по-особому сговорчивый сегодня, сулит мне добра и преподносит столько подарочков на память, что у меня просто не хватает карманов для размещения всего необъятного и разноцветного добра. Больше не топись, – говорит он мне своим зеленым ртом, – а это подари ей от себя. На его перепончатой лапе большая и чистая жемчужина и, за неимением свободных мест в моих карманах, он укладывает драгоценность прямо внутрь моей груди. Он все обо мне знает и не сомневается: ей обязательно перепадет от жемчужины, ведь драгоценность эта практически ее, и я просто обязан теперь ею делиться хотя бы для того, чтобы снова не потянуло в омут с головой... Тем более, раз я обещал.

3

В половине шестого утра начала марта из-за реденьких облачков выглядывают звезды, часто-часто моргая бликами подмороженных ресниц. Звезды приглядываются тщательно, будто бы дотошно отыскивая кого-то на подмазанном от тепелью снегу. Я раздобыл утреннюю сигарету, спрятавшись с ней под звездами, не собираясь ни с кем делиться куревом и ранними моими думками. И вот теперь, только теперь, когда звезды исчезли, я понял – искали они именно меня!

4

В первые дни весны неумолимо хочется тепла... Не через месяц-полтора, а вот прямо сейчас, сразу, вынь-да-положь. Но мы не умеем ждать, нам кажется несправедливым любое ожидание в проистечении жизни. Ведь она так обидно коротка, вся эта жизнь... Мы не умеем ждать так терпеливо, как преданно ожидают нас наши кроткие радости и наши отрезвляющие печали. Подождем еще, чтобы научиться...

5

Очередная неудача тяпнула по башке чемоданом, под завязку набитым гантелями. До этого никак не мог собрать воедино собственные разбредшиеся мысли, а тут вдруг такая удача – время собирать гантели!

6

А пошло бы оно все!.. – сказала клякса и вытянулась в бессмертные строчки под чьим-то гениальным пером.

Раздвигая ветки руками, утопая по колено в снегу, разрумянившись от утреннего вешнего морозца, Она шла и шла к маленькому замшелому храму, возвышавшемуся с самого могучего холма. Шла Она в надежде хотя бы в храме не встретиться с Вездесущей, всюду пересекающей Ее нелегкую дорогу. Крестясь на паперти, Правда чувствовала усталость и боль, ибо Ложь ждала Ее везде... Неужели и тут?..

8

И вовсе независимо от юркости или вялости наступающих перемен время неумолимо летит. Летит оно одинаково для всех, даже если вы, лично вы, с этим не согласны! Беспощадно оно и для сгорбленной, опирающейся сразу на две клюки старухи, и для зарвавшегося в каком-ни-то своем псевдомогуществе молодого человека обоих полов. Для всех! Она не лакомилась, а принимала свое время, пила его как пустой неслащенный жиденький чай. Раньше тоже было не сладко, но слаще самого густого сиропа казалось предчувствие перемены к лучшему. Не ощущение, а вовсе даже еще предошущение неперменного чуда. Хлоп! – и все сразу, сразу пойдет на лад. И все будет. Будет все и вся для нее, только для нее одной! Но время так и оставалось неумолимым, а вожделенное чудо не хлопало, а хлюпало носом, и ее же собственными слезами подмачивало самую последнюю надежду. Самую последнюю надежду! Страшно. Неправильно. Несправедливо. Очень!

9

Никогда не поздно не сделать того, чего никогда бы и делать не следовало!

Я больше не стану тебя обманывать! Обещаю тебе. Ты права, как и всегда права – ложь унизительна для нас обоих. Я больше не стану обманывать тебя. Правда. Не буду больше выдумывать для нас берегов бесконечного счастья, не буду заставлять тебя принимать желаемое за действительное, перестану строить воздушные замки. Насколько не было бы прекрасным мое вранье, оно всего лишь краешком крыла задевает меня самого, заставляя лишь на миг замирать от высоты полета мое сердце, но потом следует неминуемое приземление, превращаясь из призрачного пока парения далеко не в мягкую посадку. Тогда мне и самому противны все мои выдумки. Я больше не стану выдумывать себя другим, совсем другим, нежели я есть на самом деле. Это ведь так нехорошо и нечестно. Я больше не стану выдумывать и тебя, а, собравшись с силами, увижу, наконец, тебя реальную, настоящую. Я тебя вижу. Я больше не стану тебя обманывать. Честное слово! Вчера ты ушла от меня, и я никогда больше не стану обманывать тебя ни в чем! Ты ж ведь всегда любила одну только правду! Правду?.. Правду, и ничего кроме правды!

Смари – я ща оторву себе палец, а потом приставлю его снова, – сказал пацанам Димка и продемонстрировал им известный всем взрослым фокус исчезновения и появления большого пальца левой руки: шмэкс-фэкс – есть, шмэкс-пэкс – нету! Ух, ты! – галчатами пооткрывали ртищи малявки – клево! Смотри – я сейчас вырву для тебя свое сердце, – сказал ставший маститым фокусником Дмитрий девушке, украшавшей их совместные дни и свободные вечера своими грустными красивыми глазами. Шмэкс-фэкс... Рванул грудь, вырвал, бросил к ногам... Кровь! Трюк сорвался, ибо прямо под ее ногами валялось самое настоящее Димкино сердце. Значит, и любил, выходит, он ее по-настоящему... Шмэкс-пэкс – нету!

У меня совершенно нет больше сил терпеть твои выходки! Бесконечные твои секреты, переглядывания со смазливymi девицами в метро. Ты ведь еще ни разу не пропустил захудалой юбки, чтобы не облизать бесстыжими глазами все на свете бабские стройные ноги. Ты чудовище, и у меня, и правда, нет больше сил. Как ты себя ведешь – это, знаешь, кому не скажи... Надо мною все смеются. И правильно смеются, ведь чтобы, в конце концов, терпеть тебя, нужно быть или полной идиоткой, или твоим ангелом-хранителем. А я, знаешь, для этой роли не гожусь. Я обыкновенная, с обыкновенными делами и заботами женщина. И что? Почему ты думаешь, я должна сейчас все это скрывать? Почему?! Ну и что же, что после инфаркта?.. Это вполне заслуженная тобой награда за все твои выходки. А молоденькие здешние сестрички не разрушают твоего мозга?.. Не поднимают давления?.. Ни за что не поверю! Ладно, я приду завтра... Нет, завтра у меня... Послезавтра. Почему не надо? Это мой крест и я должна ходить к тебе. Иначе нельзя. Хотя, честно говоря, без тебя мне гораздо спокойнее. Все. Пошла. Лечись. Выздоровливай. Пока.

13

От нелегкой и бесполезной работы у меня стали такие руки, что ни в одно неприличное место им появляться не стоит!

Сейчас я тебе расскажу, чтобы развеять твои самые последние сомнения по моему поводу. Я вижу, я чувствую, я наверняка знаю – ты не веришь мне... Это неудивительно. Это правильно. Так оно и есть! Слушай. Когда я садился в самолет, я тоже знал. Представляешь? – Я заранее все знал! Заранее знал. ВСЕ! Я садился в самолет в ярком предвкушении свободы. Сознания на тот момент у меня работало как раз два. Первое на взлете и во время полета скрежетало молекулами мозга, перелопачивало видеоролики всей моей жизни, одновременно ощущая сиюминутность полета. Второе же жило, существовало во мне увереннее и спокойнее, хотя тогда я не чувствовал его, свое второе – главное сознание. Дали сигнал к прыжку. Я поднялся, встретив из открытого люка поток могучего ветра и, не оглядываясь, сиганул в еще более могучий поток. Когда же раскрылся парашют, все уже было кончено! Во время свободного полета у меня разорвалось сердце. Я освободился от него! И – вот оно, именно теперь я и учуял свое главное сознание. Именно из-за него я остался жить, именно поэтому я и теперь живу без сердца. Каково? Каким мелким и ничтожным тут же казался я себе тот, прошлый... Бессердечным я приобрел могущество и бессмертие! Ага-а! Теперь я стал другим, более нужным самому себе индивидуумом. Отвернувшиеся от ме-

ня друзья тогда, снова приблизились ко мне теперь. В одну секунду я приобрел богатство, целое состояние! Мог ли когда-нибудь я мечтать о таком?.. Нет. Не мог. Никогда! Теперь все сделалось абсолютно иным, новым, неизнанным. Я могу соблазнить любую женщину, я могу развратить любого мужчину! Любая самая праведная душа, попавшая в мои цепкие пальцы, превращается теперь в гнездо порока. Смотри, и у тебя уже начинают блестеть глаза! Что? Нажился? Настродался? Намучился? Ну, так давай! Давая я заберу у тебя твое сердце. И свобода! А-а... Теперь ты догадался?.. Да, у меня нет ни рогов, ни копыт... Я ж ведь когда-то был таким как ты, таким как все... Таким, собственно, и остался внешне. И ведь какое удобство – тебе не предстоит ниоткуда и никуда прыгать, бояться... Я заберу его у тебя тихонько, без лишней суеты и волокиты, без бюрократических кровавых подписей и ненужной ворожбы. Просто! Давай!! Сам, только сам отдай! Скорее, скорее... Вот, скотина – не хочет! Ну и пусть его, дурака, доживает свой вздор... Не знаю я что там будет. Я знаю то, что есть! Оно гораздо виднее и понятнее мне. Ложь, воровство, хитрость, разврат, глупость — оч-чень даже неплохие козыри. Кто захочет сыграть со мной? Давайте. Идите. Скорее. Жду!

Нужно преуспевать в совершенствовании. Особенно, когда тебе совсем еще немного лет, когда еще совсем ничего не прожито, несмотря на все пережитое. Мало ли... А если вдруг когда-нибудь станет слишком уж много лет? Тоже ведь нужно будет преуспевать. Или просто успевать? Успеть усовершенствоваться? В чем? Да в чем угодно. Нужно ведь успеть научиться что-то откуда-то принять, правильно и решительно затем отдавая, раздавая другим. Всем. Кому будет охота взять. Выходит, помимо вот этого, теперешнего дела, впереди маячит еще масса всяких интересных дел! Ну и хорошо. Он аккуратно снял с носка выдавшего виды ботинка красную божью коровку, отправил с макушки заскорузлого указательного пальца ее в полет и передернул затвор автомата. Враг таился близко. Очень. Гораздо ближе расстояния полета пули. И у врага имелся достаточный запас тяжелого свинца по его беззащитную душу. Нужно преуспеть. Нужно успеть. Ах, как много еще нужно успеть!

16

Два часа сидел, жрал всякую дрянь, перебивая аппетит.
Не получилось испортить-то! Пришлось еще и ужинать!

Я возьму тебя! Я тебя возьму, во что бы то ни стало. Существует, в конце концов, закон и никто не в праве его нарушать. А ты поймешь это только тогда, когда я возьму тебя. Может, ты сейчас об этом не думаешь, ничего не боишься и ничего не хочешь об этом знать... Какая разница? Я непременно возьму тебя! Где это будет? Не все ли равно где это случится? В городе, пригороде, у тебя дома, в любом месте, куда, быть может, обманом я заманю тебя... На суше или на море, под землей или в небесах... Слышишь?!.. Я возьму тебя! Но ты не слышишь... Ты теперь упиваешься своим мимолетным счастьем, своей, как тебе кажется, сложившейся жизнью... И вот, когда я тебя возьму, когда ты неизбежно заохаеть и застонешь под напором моих неистовых ласк... Когда ты подо мной начнешь терять столпики своего благополучия, капля-по-капле теряя одно и захлебываясь другим, когда ты вкусишь безграничность, многогранность и витиеватость моей мести... Впрочем, нет! На хрена ты мне сдалась, маленькая и никчемная предательница, моя единственная любовь? Ты сделала меня импотентом чувства и черта с два я когда-нибудь разнюнюсь в мечте о безоблачном счастье. Маленькая и никчемная единственная моя первая и последняя любовь. И конечно... И непременно я забуду тебя. Напрочь! Насовсем! Навсегда! Вот только возьму себя в ру-

ки. Вот только возьму себя... А я себя возьму, во что бы то ни стало!

Я безумен, опустошен, вылакан как сосуд... Я разорван... Осталась только голова, мне оставили ее. Голова – это все, что у меня осталось. Зачем? Лучше бы все, что угодно другое, но у меня голова и я, к собственному сожалению, продолжаю ей думать. Я вспоминаю. Вспоминаю как все... А все случилось сразу. Я настиг и постиг ее в одночасье. Остальное – дело техники, заложенной во мне, видимо, генетически. Овладел тоже тут же при чувствительном, но где-то и бессознательном ее сопротивлении. Но счастье мое оказалось недолгим – она заметила меня! Я даже толком ведь ничего не успел, когда сделался разорванным ею. Знаете, у нас, клещей... Пинцет! За мной, за мою голову. Это все, что у меня осталось. Прощай, любимая!

19

Тонко чувствовать в загаженном информацией пространстве все равно, что полено вдевать в игольное ушко.

Без грусти не бывает радости. Радости светлой и красочной, подобной вспыхнувшим разноцветным прожекторам под куполом цирка, освещающим большой и круглый праздничный ковер манежа. И ярче искрятся теплые звездочки, прикрепленные к полотнищу форганга, и светлеют лица публики, и все приходит в завораживающее ожидание волшебного действия... И гремит оркестр, и в манеж выбегают клоуны, веселые, задиристые, хамоватые клоуны. А грустных клоунов не осталось... Давно закатилась звезда Леонида Енгибарова, клоуна с осенью в сердце... Клоуна, думающего кончиком пера. Эта давно закатившаяся, но не утратившая для меня своего блеска звезда украшает собой весь набор звезд моего лукошка. Леонид Георгиевич Енгибаров. Звезда.

Ссора слепилась из воздуха. Хоп-ля – и готово! Он потом сильно горевал и жалел. Потом и она сильно жалела и горевала... Вооружившись ссорой, они сделали это общее дело, а именно – поссорились. Отдельно друг от друга, то есть, порознь, без постороннего давления и помощи они очень быстро поняли, что из воздуха можно лепить такие прекрасные вещи... Такие... Но в разлуке ни он, ни она ничего хорошего так и не слепили. Никогда.

Если вы знаете, что носите за пазухой собственное сердце, не кутайте его слишком бережно, закаляйте от мнимого благополучия. Иначе при дуновении легкого ветерка холодного равнодушия последствия непредсказуемы.

Когда-нибудь, в самый теплый день, обязательно после проливного дождя, я приеду в город моего Детства. Видишь, какой я слабенький? Сильные никогда не оглядываются назад! Я приеду в свой старый, выдавший виды двор и не найду знакомых качелей, на которых я так любил раскачиваться и качаться так, чтобы ветер в ушах шумел... Видишь, какой я растеряха? Я многое потерял и вот те самые мои любимые качели тоже! Я поздороваюсь с четырехэтажным домом. На его втором этаже мы жили когда-то все вместе... Видишь, сколько кануло времени? Ведь тех, моих, с которыми.....давно уже нет... Я поздороваюсь с подъездом, помнящим шлепанье моих ног по облупившимся от времени ступеням... Видишь, какой я.....никакой? Я здороваюсь даже с камнями... И вот так я и буду ходить и смотреть, здороваться, вспоминать. А когда пойду восвояси, я унесу с собой и эту боль. Видишь, какой я сильный? Ведь я ношу с собой столько забытого, ненужного заветного груза... Видишь?

Я. Ты. Ты и я – что это такое? Где мы? Какие дебри разделяют нас и какие облака сближают? Мы оба, каждый из нас очень долго идем к собственному «я», но не каждый его находит. Ты нашла? А я нашел?.. Все это очень сложно понять и тебе и мне. Поэтому, когда мы снова увидимся, я подарю тебе алую розу, а ты мне подаришь частичку своего «я». И пусть мы никогда не узнаем того, что должны знать, зато мы снова усядемся рядом, а это вполне уважительная причина для счастья. И нужно ли теперь знать что-либо еще? Тебе... Мне... Нам...

У пары вполне сложившихся и достаточно известных по театру, кино и телевидению актеров, репетировавших театральную постановку, не выходил любвеобильный поцелуй в конце второго акта. Молоденький режиссер смотрит и – нет – не верит! Ну, казалось бы, два мастодонта актерского искусства и – на тебе! – никак. Он им и то, и се сулит, и уговаривает, и умоляет, и кроет по системе Станиславского... Ничего-го! Он судорожно квохчет, понимая свою бездарность режиссерскую, клянет себя за все и вся, носится с ними как дурак со списанной торбой, грозитя уйти в монастырь на вечное поселение. Ничего. Никак. Тогда он напивается до полусмерти, а когда полуживой валяется в театральном же гардеробе, слышит тихий рассказик гардеробщицы тети Паши о том, что они-то, те-то, его-то, давно уже в разводе. А за семейную жизнь так уже друг дружку поистрепали, что таперича уже и поиграть в любовь-то им кишка тонка. Вот, сынок. А ты спи, лежи, оклемывайси, родименький...

Она сказала ему, что любит. Он подумал, что да, судя по всему, так и есть. Она еще сказала, что существует нелюбимый, что никак не может от него отвязаться, надоел, угрожает, и надо бы ей помочь от него избавиться. Он подумал, что сам ей угрожать, конечно, не сможет, зато тоже сможет когда-нибудь надоесть и оказаться нелюбимым, но помочь надо. Тот, нелюбимый, пришел, но он ничего не успел сказать нелюбимому. Когда нелюбимый вонзил нож в его сердце, он подумал... Нет. Не успел подумать. Ни-че-го!

Слабость порождает подлость. Какая убийственная мысль, какое горькое осознание! Но дальше думать было некогда – пиво из холодильника стояло на столе, а рядом поджидали горячие креветки. Начинался футбол. После футбола неплохо было бы еще и бокс посмотреть...

У скульптора осведомились о его приверженности к малым формам. Почему бы, скажем, не создавать изваяний покрупнее, помассивнее? А он так видит, и вообще – мастеру все формы подвластны. А те, кто не может по достоинству оценить или аргументированно порицать произведений мастера, обычное говно. А он мастер, а все остальные – говно. Мы возмутились, оскорбились такими прямо нелицеприятными характеристиками, но одна записная сплетница разнюхала и доложила: дескать, оказывается, у него крепкая и дружная семья; жена хоть не красавица, но покладиста. Детей у него двое своих и четверо приемных, но он им одинаково отец, а жене защита и опора. А еще он занимается ремонтом квартир и неплохо этим делом зарабатывает. А еще у него в студии стоит что-то огромное, укрытое четырьмя вместе сшитыми белыми простынями. И что, судя по всему вышеперечисленному, он мастер. А мы говно. Обычное. Обычное.

Ругались основательно, делово, не жалея сил, особо не выбирая выражений. Главный инженер обвинял во всем отдел формирования. Отдел формирований обзывал сукой главного инженера. Директор разводил руками и тяжелым пятистопным матом обвинял всех. А всех вместе взятых волновал один и тот же вопрос – почему груз не отгружен туда и тогда, куда и когда он должен был быть отгружен. Обстановка раскалилась до температуры доменной печи, а от сквернословия и курева першило в горле. И в самый развеселый момент закатывания рукавов, единственная женщина в сплоченном мате коллективе уставших сотрудников, по селектору во всеуслышание объявила, что груз-де еще и не отправлен из пункта А, стало быть, пока в пункт Б доставлен быть не может. Ну?! Толпа ведь здоровых мужиков на приличной зарплате! Куда это?!

Как она пела! Нет, у нее вовсе не было какого-то в певческом смысле голоса, наподобие сопрано или еще там как его... Она пела своим, обычным и звонким, которым и говорила, и смеялась, и... Ну, обычным. Но как она пела! И во все тоже непрофессионально аккомпанируя себе на гитаре... Как она пела! У него захватывало дух совсем как тогда, давно, в детстве, когда мама, собираясь с сестрами, его тетками, на семейных застольях, разливаясь сильными голосами на все лады, пели уже известные ему наизусть на все времена добрые песни. Но она пела не так... Как она пела! За это пение он и любил ее, слушая, погружаясь, любя и прощая ее за невнимание, нелюбовь к себе... И за то, что она не его любящая жена и мама не его детей, и за... За все! И вот так каждый раз, наслушавшись, наболевшись вволю, он уходил от нее в глубокую ночь. И ветер пронизывал его, сгорбленного, одинокого, пытаясь развеять тошнотворную черноту, пустоту и тяжесть, одолевавшую его каждый раз по дороге от нее в никуда.

Я отодвинул пустую тарелку и встал из-за стола. В который уже раз отец спросил, возблагодарил ли я Господа за вкушаемое. В который уже раз я ответил, что не среди монахов живем, но Бога каждый носит в душе... Отец скривил рот и схватился за сердце... На похоронах мама ни в коем случае не разрешила винить себя в смерти отца, ведь он порядком уже прожил и под игом диагнозов считался основательно больным человеком... Почему же мы, все мы, ублюдки научно-технического прогресса, обращаемся к Господу только тогда, когда прижмет, или когда напаскудим до крайнего, как я?!.. Почему я никогда не благодарил Бога за все? Что это? Зачем? За что? Папочка, прости! Господи, прости! Нас. Всех.

Репродуктор по-левитановски объявил отправление поезда, а поезд не отправлялся... Две минуты, три... Пять. Начальник поезда бежал по перрону к машинистам с азартным намерением отрезать им яйца. В это самое время машинист и его помощник, мирно покуривая, наблюдали сцену прощания молодой парочки. Благопристойного вида юноша и девушка стояли возле вагона и смотрели друг другу в глаза, боясь сморгнуть. Не стесняясь никого и ничего, начальник поезда непарламентарно и громко поинтересовался у машинистов, дескать, какого мая до сих пор не отправляется поезд. Ну, вот, видите ли, прощаются, – выдохнул сигаретным дымом машинист, – такое дело. Начальник же поезда, не сбавляя матерных оборотов, пискнул, что ему глубоко и высоко до звезды всевозможные прощания и расставания, когда поезд должен быть отправлен уже буй его знает когда! Тут только он действительно заметил двух перронных голубков, продолжавших стоять и пялиться друг на друга в позиции замри-умри. Трах-тара-рах!!! – выпалил он по врагам, – поезд, отправление, непорядок, виселица!! Кто остается?! Кто едет?! Пацан?.. А чего ж тебе ехать, коли не отпускают? Оставайся! Точно? Решил? Молоток! Да. Он остался с ней и не уехал. Девушка подарила начальнику букет, согретый ее ладонями, а парень презентовал машинистам блок импорт-

ных вкусных сигареток. Поезд тронулся, машинист пообещал нагнать опоздание во время пути, и вообще, если чего, яйца у него крепкие, прорвемся. Милые мои, хорошие, дорогие чудачки! Досвидания! Счастливого пути! Счастливо оставаться!

Из-под нашего пера не выходит ни хера – срифмовал немолодой неудавшийся поэт, попыхивая голландским табачком в массивной вересковой трубке. Ничего у него как-то не удавалось. В плане творчества. Нет, все остальное, слава союзу писателей, как надо, как у людей, а где-то даже и в избытке. Вот в плане творчества... Да творчеством-то, честно говоря, и не пахло... А вот табачок имел довольно стойкий, крепкий аромат. В загашничке и коньячок имелся – у шкапчику припрятанный. В холодильничке балычок... Вон сколько рифм! Писать вот только нечего. Жрать да пить... Да рифма к слову «жрать»... Такое вот гастротворчество. А начинать поздно, а продолжать когда-то начатое глупо, потому что невозможно. Я когда-нибудь найду одинокую звезду, – сочинил и спел он когда-то в лесу, среди костров и палаток. Так ведь и не нашел. Ни одинокую... Никакую! Жена – красивая кукла, ловко подсеченная им когда-то, тогда еще, еще на той творческой ниве, когда что-то еще получалось. Детками не обзавелись... А так, конечно, все есть... У шкапчику припрятано... То, что нужно сейчас, все необходимое надежно и крепко спрятано в складках животного жира, нагулянного им за отчетный период. За окном красовался солнечный веселый летний денек, и ему от этого чуждого веселья стало гадостно так, что захотелось завывать как старой об-

лезлой суке с обваренной кипятком бочиной. Из-под нашего пера не выходит ни хера...

Он не казался, а был до того открытым, честным, простым и милым в общении, до того правильным и великодушным, что нам всем делалось стыдно даже мельком смотреть ему в глаза!

Я нашел ее, словно маленькую земляничку на обочине высушенной зноем дороги. Конечно, сорвал, бережно поднимая по приставшей к пальцам травинке, положил на ладонку, сдувая придорожную пыль, любясь ее свежестью и красотой, наслаждаясь дурманящим сладким ароматом... Но другой отнял ее у меня, положил в рот и, не раздавливая языком, перемолол зубами... Вот так и пропала моя Земляничка... Спустя земляничный сезон, я встретил ее, но она сделалась совершенно ни на что не похожа...

Как необыкновенно сказочно наряжаются наши православные церкви на Пресвятую Троицу! Кругом по уголкам и стеночкам красуются беленькие березки, а полы устилаются толстым слоем свежескошенной зеленой травы и, заходя в храм, ступаешь по ней как по волшебному ковру. Чудо! Хотя чуда-то особого нет. Травка просто. Но как необыкновенно! Погода в этот день, бывает, что не особо балует теплом. Солнышко, бывает, надолго прячется за тучкой... А то и дождичек нет-нет, да и где-нибудь просочится... Но никакие капризы погоды не смогут помешать празднику изголодавшейся по радости души! Ну, как на Пресвятую Троицу.

Этим летом колодцу исполнилось так много лет, что он и сам уже не помнил сколько. Не узнавал в лицо шныряющих над ним птичек, не помнил, кто его выкапывал и возводил над ним деревянного строения. Я гладил струганные, выкрашенные зеленой краской доски и вспоминал его тогдашнего, в еще той обшарпанной одежонке с массивной, отполированной качающими воду руками деревянной ручкой вместо теперешней кнопки – нажал и потекло. Я тоже нажал, набрал в жменьку знакомо студеной водицы, попробовал. Нет, совершенно вкусная водичка, прямо как тогда... Тогда... Когда-то. Сделав еще несколько глотков родного мне питья, я почувствовал, что забыл он и меня, так часто прибежавшего к нему пацаном... Может, и не забыл, а просто не узнал?.. Жаль. Я ведь так с ним дружил тогда... Так любил его живительную влагу! Я даже вроде обиделся на него... Но потом, чуть позже, вдоволь насидевшись на зеленом покрывале всегда зовущего к себе местечка, родимого местечка, я наконец понял, что кроме благодарности за мое им вскармливание я не имею права испытывать к нему более никаких чувств. Спасибо, дедушка! Не грусти, не скучай и, пожалуйста, не прекращайся!

Прости ему все! Соберись с духом, поднатужься и прости! Прости его безалаберность, редкую гневливость, неуклюжесть, неумелость, неопытность... Прости. Он любил тебя. Может, не так, как тебе хотелось, сам, без подсказки, но любил. Да – бывало, что и не ночевал; да – не приносил сколько было нужно; не часто дарил цветы... Да – не состоялся, не смог, не сумел... Прости. Прости его. Он любил тебя! Так прости хотя бы за это. Сейчас ты успокоилась – его давно нет и, может статься, он уже прощен самим Господом Богом, а Ему виднее... Прости его и ты. От этого ты сделаешься еще прекраснее, еще милее, еще дороже... Ведь, если вдуматься, тебе теперь это так просто сделать – простить.

Добро должно быть с кулаками. Причем, с нормальными такими, бойцовскими. Доброту вечно у нас, да и не у нас, принимают за слабость. Зачастую так оно и есть. Поэтому добро – прерогатива слабых, но его обязательно следует вооружить чем-то более-менее конкретно сильным, дабы добро само по себе смогло себя защитить, оградить от наглости, хамства и впитавшегося в кровь свинства. Развиваем. Добро вооружается, добродееи дробятся на сообщества, союзы, партии... Добрые воюют со злыми, а потом уже, по вековому сценарию, и сами с собой. И тут такое начинается! Господи, дай терпения и разума! Дай нам того, чего у нас и не было, и нет!

Ах, если б шас на дачу да курева вдоволь! На даче ж можно ниче не делать. Сиди себе, размышляй, кури... Ходи на прудок полавливать мелкую рыбешку... Не для еды, а так, ради поклевки. Кошке. Тогда надо обязательно завести кошку. Рядом если лесок (маленькая посадочка, но обязательно), то утречком ранехонько за грибками в него – шлеп! Подосиновички, свинушечки, маслятки-козлятки там всякие... Одному скучновато, правда. Тут хорошо бы собачка чтоб рядом трёхала... Тогда надо обязательно завести собачку. А, про речку забыл... Чтобы речушка рядышком, да так, чтобы прямо в трусах до нее – раз, в чистую прохладную водицу – нырь, и пескарики в разные стороны. Хорошо! Вот так сидишь иной раз без курева, дачи, кошечки и собачки... Бездомный, сирий, до всего голодный мечтатель, главный инженер воздушных замков... И ничего у тебя нет и не предвидится, а ты все равно надеешься на что-то, разгораешься своею мечтой и раскаляешься прямо до красноты. И краснеешь... Краснеешь от собственной никчемности. Ах, если бы...

А вот совсем недавно я заметил, что индюк может менять цвет кожного покрова шеи и, естественно, (как это там у него?) подбородка. Делает он это, видимо, по обстоятельствам, известным только ему самому. Такое наблюдение. И узнал я об этом буквально на днях. Раньше-то у меня с индюком тесных контактов не выпадало, а когда я подсмотрел за этой удивительной для меня способностью индюка, то как раз и подумал – большинство людей тоже меняются в зависимости от обстоятельств. Меняют суть, манеру общения, отношение. Кому-то следует, по их мнению, польстить; а кого-то, часто и незаслуженно, можно и поругать. С одним так, с другим этак, да зачастую раздуваясь от лживой важности, красуясь... Ну, прямо как индюк! А вот так вот ровно, одинаково, вне зависимости от рангов, званий, нужности или даже и бесполезности – мало кого найдем относящихся на одинаковом уровне. Перечитайте «Хамелеона». Действительно, куда я-то лезу со своими?.. Прости меня, Дюня, мой знакомый индюк, за сравнение! Ты-то настоящий! А мы вот как-то от тебя отстаем. По сути. По всамделишности. Прости.

Страшно заглядывать в себя в поиске богоугодных качеств... А вдруг не найдешь?.. Притвориться-то, разумеется, можно... Но от Него куда скроешься? Весь как на ладони! Вот и не надо бояться поиска, но безрассудности – стоит. Во всем. Везде. В себе. Понять как-нибудь, что ошибка, она не ошибка, а элементарная подлость и что оправдания подлости нет и быть не может... Бойся совершать такие, так называемые тобой, ошибки, тогда и бояться будет нечего. Разум только не теряй, не давай ему просохнуть, не позволяй ему кемарить, дабы не нарожал он чудовищ. Смотри, как просто! А ты говоришь – купаться...

На импортном, добротном, наверняка дорогом автомобиле сидела, красуясь на солнышке и перебирая своими радужными крыльями огромная по городской мерке стрекоза. Я аккуратно снял ее с капота, она протестующе зашевелила лапками в моих руках. Тогда я предложил ее случившемуся рядом мальчишке лет двенадцати. Хочешь? Если б ты ему показал пятьсот рублей, – опередил потянувшегося было к стрекозе пацанчика его папаха, – тогда конечно, он бы взял... Чего мне оно вспомнилось? Стрекозиному делу минул, наверное, десяток с гаком лет... Мальчик наверняка уже стал, по образу и подобию своего папы, порядочной сволочью. Чего мне оно вспомнилось? Сколько времени прошло, а, вишь, не вылечило стрекозино дело время... Надо к психоаналитику, что ли? Время-то лечит, но доктор быстрее. «По-орядочной» сволочью стал сынуля... Наверное... Дай, Боженька, мне ошибиться! Чьи же еще руки способны поправить последствия долбящего меня по кумполу минувшего уж сколько годов стрекозино дела?..

Меня трудно обмануть, но все равно обманывают. Тоже ведь труд! Где не доплатят, где цены незаконно взвинтят, где просто обманут. Так, от не хрена делать. Я же вижу! Делают они это в своих интересах – корыстных ли, выпендриваясь, просто так, даже не задумываясь обманывают. Врут газеты, фабрики, заводы, и как-то фальшиво гудят пароходы. Я же вижу! Могу ли я существовать в подобных условиях? Быть всегда и всюду откровенным, чистосердечным, милосердным? Это уж надо быть вообще – ку-ку! О, девушка, у меня как раз то, что вы ищете! Пройдемте! Вот дура-то! Ладно, сейчас она у меня быстренько найдет... И идет ведь, смотри, идет! Ладно, некогда мне, некогда... Потом, потом поговорим.

Одинокий, он, как его не крути, все равно одинок. Он может ломиться сквозь толпу, а может идти вместе со всеми в одном строю, но все равно будет ощущать себя изгоем, субстанцией даже не переваренной и испражненной, а выbleванной. А, увидев впереди маленький вымпел подходящего ему цветового решения, станет постигать его, порой и не сумея настигнуть до самого настоящего конца. И сам во всем, вроде, виноват, и все такое, но факт одиночества остается фактом, как его тоже не крути. Продайте собачку. Ну, здравствуй, Дружок!

Крайнее... Крайнее... Как мы приходим к своему крайнему состоянию, приграничному сначала к духовному, а затем и к физическому концу? Мы?.. А кто это – мы? Далеко не все мы испытываем разрушающего нас крайнего. Разве не так? Да что вы! Все ведь так относительно... Послушайте, вдумайтесь, поймите! Гляньте вокруг – может, и найдете где-то изголодавшуюся душу. Он доподлинно знал, что ему недолго осталось жить. К черту подробности! Знал. Знал очень хорошо. К чертям собачьим такое знание восемнадцатилетнему пацану! Но он знал! Знал и его отец, трое суток назад приехавший к нему из далекого солнечного грузинского города. К черту названия! Они прощались... Без слез, без заветов, без вранья... Они пели. Посреди осенней дождливой ночи, в больничном боксе на одного человека слышалось их стройное да-на-ма да-на-ма да-на-ма... Они прощались. Пили молодое грузинское вино – отец много, сын только пригубливал и улыбался последнему привету с дорогой ему всегда, а особенно сейчас, родины... К черту патриотизм! Ведь мальчик прощался с жизнью, а значит с самым бесценным, живым, дорогим, безвозвратным. Дежурные сестры, не помышляя о привычном во время ночных дежурств горячем чае со вкусоностями, прихлебывали простую водичку... К черту жажду! Водой они старались про-

пихнуть вовнутрь уже наболевший и свербящий в горле комочек от действия глобальной несправедливости, разыгрывающейся у них на глазах. Только ранним утром старик вышел из бокса и со слезами на усталых глазах все говорил и говорил на своем красивом и певучем языке... К черту переводчика! Все стало понятным и так...

Слово чести – что это такое? Это понятие, видимо, из раньшего времени. Сейчас слов очень много развелось, язык испоганился иностранщиной, слэнговщиной, благовщиной. Слов много, да чести нема. Что такое честь? Как мы ее понимаем? Скорей всего никак. Не в чести у нас честь. Приспосабливаемся, не идем наперекор. Кому просто не надоть, у кого давление зашкаливает. Так че себя расстраиывать?.. Нет, попадаются все же индивидуи, типа, мужик сказал – мужик сделал. У меня эдак, к примеру, не всегда выходит... Чести не хватает. Плоховато прививали, видимо... С ошибками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.